

ХУДОЖНИКИ ВОСТОЧНОГО ПАКИСТАНА

С. БАРАНОВ

Шахтaб.
Знакомое лицо.

Шахтaб. Народный певец.

ШКОЛУ искусств в Дакке, недавно получившую статус художественного института, можно без преувеличения назвать центром культуры Восточного Пакистана. Историю этой школы нельзя писать в отрыве от личной и творческой биографии ее директора Зайнула Абедина, или, как его называют в стране, «Художника номер один». Во время нашего пребывания в Восточном Пакистане Зайнул Абедин показывал нам в своей студии и последние работы, и зарисовки, которые он делал 20 лет назад.

1943 год... Голод в Бенгалии, унесший около трех миллионов жизней... Неизвестный тогда миру художник Зайнул Абедин переносит на полотно картины народного бедствия. Можно прочесть книгу Кришана Чандара «Голод в Бенгалии» в двести страниц и можно взглянуть на зарисовки отдельных эпизодов трагических дней, сделанные едза не на оберточной бумаге,— и быть одинаково потрясенным; потрясенным не только тем, о чем рассказал художник, но и тем, как он рассказал. Велика сила реализма, если он в руках настоящего мастера!

Мы смотрим последнюю работу Абедина — большое полотно — перед отправкой в Америку.

Картина не предназначена для экспозиции в американских музеях, она займет место в одной из комнат посольства Пакистана в Вашингтоне. Нам трудно сказать, каково будет впечатление от картины у тех дипломатов и государственных деятелей, которые будут посещать здание посольства. Конечно, переезд ее з Америку не вызовет столько толков, как «поездка» Монны Лизы в Штаты, но эта картина заслуживает того, чтобы о ней узнали те, кому дороги первые шаги в искусстве народа, который не имеет ни сокровищ Лувра и Дрездена, ни даже пока что собственной картинной галереи.

Картине Зайнула Абедина трудно дать другое название, кроме как «Труженики». Сюжет ее прост. Двое — крестьянин и бык — пытаются стронуть с места застрявшую на дороге повозку с бревнами. Кажется, что глаза животного вот-вот выскочат из орбит на напряжения. А каково крестьянину? Ведь он тоже толкает повозку, ухватившись за колесо... Подобную сценку часто можно видеть на сельских дорогах Бенгалии. Частичку живой реальности сохранил художник для будущих поколений.

В прошлом году Зайнул Абедин совершил поездку за рубеж. Небольшая коллекция его работ экспонировалась в Лондоне, Вене, в Турции. Один из европейских критиков после посещения выставки

Зайнул Абедин. Бенгальские бурлаки.

Абедина сравнил его зарисовки тушью с грязюрами Гойи. Красноречивое сравнение!

Художник побывал и в нашей стране. Сотни москвичей, посетивших в те дни Дом дружбы с народами зарубежных стран, восхищались большой жизненной правдой его рисунков.

По возвращении художника из Европы в Карачи была организована персональная выставка его работ. Недавно газета «Морнинг ньюс», писавшая о не решенной еще в Пакистане проблеме — создании национальной картинной галереи, критиковала художественный совет Пакистана за то, что тот «прозевал», не сумел приобрести несколько экспонировавшихся на выставке в столице работ Зайнула Абедина для постоянных музейных коллекций страны.

Но вернемся к школе искусств в Дакке.

Художественная школа начинала свое существование в помещении, которое у нас называли бы развалюхой. А сейчас студенты этой школы — теперь уже Института художеств при Даккском университете — занимают одно из лучших зданий города. Выставка 1962 года, на которой было представлено около 600 студенческих работ, явилась большим событием в культурной жизни Восточного Пакистана. Почти каждый рисунок при различной степени профессионального мастерства изображения вмещал в себя уголок прекрасной природы Бенгалии, речных пейзажей провинции с их неизбежным спутником — лодкой. Акварели студентов Махмуды Кхатум, Ранджита Неоджи, Голана Сарвара поистине могут считаться еще одним доказательством, что из стен института выйдет не один большой художник.

На выставке не было картин с квадратными лицами и бесформенной массой красок или того, что принято называть работами современных художников-абстракционистов, но мы погрешили бы против правды, если бы сказали, что в Восточном Пакистане нет художников, исповедующих абстракционизм.

В так называемом «свободном мире», куда относит себя сегодня Пакистан, «спрос определяет

предложение». Это касается и живописи. Сегодня этот спрос складывается из вкусов американских туристов и высоких цен, которые платят многочисленные американские советники за абстракционистские «шедевры». (Заметим мимоходом, что месячное жалованье рядового американского советника в Пакистане, как минимум, в пять-шесть раз выше зарплаты любого доктора наук, любого профессора Даккского университета.)

Не последнюю роль в поощрении и пропаганде абстракционизма в Пакистане играют два информационных центра, находящиеся в Дакке, — филиал американского ЮСИС и так называемый «Германский институт культуры». Очень часто возможность организации персональной выставки художника-пакистанца даже в его собственной стране зависит от их финансовой поддержки. За американской выставкой «Современное графическое искусство США», устроенной в Дакке в феврале 1963 года, последовала выставка, привезенная из Западной Германии, — «Немецкое искусство XX века». Здесь же были организованы лекции с показом хроникальных фильмов. Рассказы о творчестве «отца абстракционизма» В. Кандинского сменялись повествованием о его духовных детях. И так изо дня в день, когда кончается одна выставка и начинается другая, работает с большой нагрузкой идеологическая пропагандистская машина Запада. Многие делается для того, чтобы убедить и художников Пакистана и интеллигенцию в том, что в настоящее время в мире нет живописи, кроме абстракционизма.

За три месяца пребывания в Восточном Пакистане мы не пропустили ни одной выставки ни местных, ни западных художников.

Побывали мы на персональных выставках работ восточнопакистанских молодых художников-абстракционистов Дебдаса Чакраборти и Абдура Руфа. Правда, мы не покупали работ этих художников и не захлебывались от восторга после знакомства с выставленными произведениями, но нас нельзя было упрекнуть в отсутствии желания понять мотивы

зорождения и направленность этого довольно «смутного» течения в живописи, понять замысел картины того или иного художника и форму выражения этого замысла. Более того, мы даже участвовали в дискуссиях, терпеливо слушали весьма метафизические объяснения самих художников, что «личное понимание прекрасного и его трактовка — вещи чисто субъективные, что в мире вообще нет общепринятой красоты форм и изображения, что красивое и привлекательное для одного человека может оказаться отвратительным для другого».

В качестве доказательства один из художников-абстракционистов сослался на типичную для Восточной провинции сцену. Группа детей смеется, играя в уголке двора, который нельзя назвать иначе, как помойкой. «Вот видите, — сказал художник, — дети не замечают кошмара окружающей действительности, ибо их восприятие красоты индивидуально и относительно». Художник, сам того не замечая, произнес приговор «своему подзащитному». Стремле-

ние доказать, что в мире нет красоты общепринятой и желанной для всех, означает желание доказать, что условия, в которых живут миллионы простых людей, не нуждаются в изменении к лучшему.

Было бы нескромно говорить, что наши аргументы в этих дискуссиях звучали более убедительно. Но на нашей стороне всегда была большая, не ограниченная финансовой заинтересованностью, любовь к искусству и знакомство с действительно великими его творениями, которые хранятся не только в Третьяковской галерее и Эрмитаже, но и в Ватиканском музее в Риме, в галереях Лондона и Амстердама, в Индии и Египте. Никто не станет отрицать, что только истории принадлежит право окончательного приговора над отдельными направлениями в живописи.

Может быть, критик абстракционистских картин должен признать, что так называемое «современное искусство» — это поиски новых форм изображения в живописи и как таковое оно имеет право не только на жизнь, но и на всеобщую поддержку. Ведь когда в живопись пришли импрессионисты, критика не встретила их фанфарами, а сегодня никто не будет отрицать, что это была новая страница в истории искусства. За ними последовали Ван-Гог и Сезанн, им на смену пришли реалисты — Матисс и другие, потом представители кубизма и Пабло Пикассо. И снова никто не станет отрицать ни гения этих художников, ни того факта, что они представляли определенное направление в живописи. Но здесь, на наш взгляд, существует одно, и основное, отличие. Провальные течения в живописи были отказом, отходом от старых форм изображения в искусстве, но не были его отрицанием. Абстракционизм же, независимо от субъективных соображений отдельных художников, берет на себя задачу отрицания понятия красоты и прекрасного вообще. (В своем стремлении рассказать о судьбе живописи в Восточном Пакистане мы вынуждены были сделать это отступление, ибо сегодня, как бы далеко от Америки и Европы ни находился Восточный Пакистан, избежать влияния идеологической волны, идущей с Запада, ему очень трудно.)

В апреле прошлого года в Карачи была организована выставка «Даккская школа живописи». Ее инициатор — все тот же «Германский институт культуры» — не бесцельно собрал коллекцию картин большинства художников-абстракционистов и выдал их за «даккскую школу живописи».

К счастью, сегодня творческое лицо живописи в Восточном Пакистане не определяется абстракционистами. Список художников провинции начинается с имени Зайнула Абедина, рядом с ним — Камрюль Хасан Шафютдин, Мухаммед Кебрий, молодой художник Шахтаб и другие, в чьих произведениях реальная жизнь и народные художественные традиции Бенгалии являются основными мотивами.

Перед отъездом из Восточного Пакистана Зайнул Абедин подарил нам один из своих рисунков. Он назвал его «Бенгальские бурлаки». «Бурлаки» Репина, — сказал художник, — стали частичкой истории России. Бенгальские же «бурлаки» — это наше сегодня, это реальная действительность на речных дорогах Бенгалии.

Трудно сказать, почему художник был так добр к нам, подарив этот рисунок. Может быть, он сделал это в знак одобрения наших позиций в спорах с молодыми абстракционистами, а может быть, и просто потому, что мы приехали из Советского Союза, о котором у него сохранились самые хорошие воспоминания.

МАРИЯ ЖАННА КАРОН

Центральноафриканская Республика

ТОРГОВКА ОВОЩАМИ

Она идет с утра на рынок.

Она должна продать товар.

На голове ее

Корзина,

Где соль земли,

Где солнца жар,

Где утра свежесть,

Полдня краски,

Природы щедрые дары:

Бананов огненные связи

И репы плотные шары.

Тут баклажан лиловобокый,

Серпы бобов — к стручку стручок,

Пучки моркови краснощекой

И крутолобый кабачок.

Она идет через саванну

В цветной полоске полотна.

Она похожа на лиану —

Гибка, изящна и стройна.

Она идет, ступая твердо,

Идет, босая, по траве,

Несет уверенно и гордо

Нелегкий груз на голове...

*Перевел с французского
В. Викторов*